

ного факта, гипотезу Вашицы относительно «Закона судного людем», дополняя ее предположением (высказанным еще юристами прошлого столетия), будто Мефодий перевел на древнеславянский язык также часть «Эклоги» (BS, v. 17, p. 121). Нам думается, однако, что обе эти гипотезы взаимно исключают друг друга: мы можем предполагать либо то, что солунские братья перевели часть «Эклоги», либо, что они составили на основании «Эклоги» «Закон судный людем»; допускать, что они сделали и то и другое, было бы, пожалуй, при современном состоянии источников недостаточно осторожным.

Что же касается предложенного Пошваржем сопоставления норм «Земледельческого закона» и моравского виноградарского права, то его, к сожалению, нельзя признать достаточно убедительным. Пошварж, по его собственным словам, не пользовался греческим текстом «Земледельческого закона», а ограничился его русским переводом⁸⁷; к тому же он незнаком и с обширной литературой вопроса, кроме статьи Е. Э. Липшиц⁸⁸. Видимо, поэтому ему не удалось заметить, что в «Земледельческом законе» наряду с системой членовредительских наказаний (отсечение руки, вырезание языка и т. п.), т. е. принципом ответственности *ex delicto*, нашел свое отражение и другой принцип — возмещение. Если моравское право заимствовало из «Земледельческого закона» только систему членовредительских наказаний и пренебрегло принципом возмещения, то это должно быть объяснено. Недостаточно убедительно и утверждение автора, что известное моравскому праву разрешение сорвать виноградные грозди в чужом винограднике, обязательно должно восходить к 61 ст. «Земледельческого закона»: оно могло быть почерпнуто и из «Второзакония» (XXIII, 24), где сказано: «Когда войдешь в виноградник ближнего твоего, можешь есть ягоды досыта, сколько хочет душа твоя, а в сосуд твой не клади». Кстати сказать, во «Второзаконии» достаточно примеров и членовредительских наказаний (напр., XXV, 3, 12 и др.).

Для доказательства непосредственного воздействия «Земледельческого закона» на моравское право (возможно, что такое воздействие действительно имело место) нужно было бы, нам думается, провести тщательное текстологическое сравнение памятников.

Очень интересной является статья М. Пауловой, посвященная одной из попыток Карла IV усилить свое влияние в других славянских странах⁸⁹. Как показывает автор, Карл пытался восстановить кирилло-мефодиевские традиции и добился в 1346 г. разрешения ввести литургию на славянском языке. В соответствии с этим в Праге был основан славянский монастырь Эммаус. Эта деятельность, поддержанная папством, имела теперь задачу организовать католическое миссионерское движение среди славянских народов: в частности, Карл IV стремился оказать давление на

⁸⁷ Пошварж отсылает почему-то к изданию «Земледельческого закона» в Jus, IV, не зная, по-видимому, изданий А. С. Павлова, К. Феррини и В. Эшбернера. Русский перевод, при всех его достоинствах, содержит, однако, неточности, иногда искажающие смысл. Например, при переводе ст. 32 (Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, стр. 105) пропущены важные слова *ἐν τόφῳ ἀμερίστῳ* в ст. 1 *γεωργία* (земледельческий труд) переведено «пашня» и т. д. Пошварж (стр. 123) полагает, что в ст. 46—47 идет речь о распятии на кресте, хотя в ори инале сказано *φορμικέσθω*, т. е. «да будет казнен на фурке» (наказание распятием на кресте было отменено Константином I). Ст. 9 не является «постановлением о краже снопов» (стр. 123), а запрещает мортиту брать свою долю без ведома хозяина земли, в противном случае он приравнивается к вору (*ὡς κλέπτης*).

⁸⁸ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, стр. 96—143.

⁸⁹ М. Paulová. L'idée Cyrillo-Méthodienne dans la politique de Charles IV et la fondation du monastère Slave de Prague. BS, v. 11, 1950, p. 179.